1-й экз.

Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Тугап-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 1. **АВГУСТ, 1921 г.** **2 серия.**

20/IX 1923 1016

Содержание: Петр Кропоткин. *Луиджи Бертони.*—Из переписки учителя.—Последние дни П. А. Кропоткина. *Ал. Атабекян.*—П. А. Кропоткин и современный экономический кризис. *И. Пальчинский.*—Музыка в жизни П. А. Кропоткина. *Евд. Денисова.*—От редакции к товарищам и сочувствующим.

ПЕТР КРОПОТКИН.

Смерть Петра Кропоткина вызвала глубокую скорбь во всех анархистских кругах... Огромные услуги, оказанные им нашему делу и сочувствие, приобретенное его мощной личностью, не могут быть забыты...

Ни один писатель не предвидел лучше, чем Кропоткин событий, которые должны были развернуться. Уже лет 30-40 тому назад в его сочинениях обсуждались мучительные вопросы, которые ставятся теперь; мало того, с замечательной прозорливостью и ясностью он указывал возможные решения. Его общедоступные сочинения: *Речи бунтовщика, Хлеб и воля, Поля, фабрики и мастерские, Современная наука и Анархия*—проникнутые верою и искренностью—пробуждают доверие, смелость и надежду и обрисовывают будущее общество в отчетливых и ярких чертах. Мы уверены, что всякий отзывчивый человек, прочитав их, был глубоко тронут. Нужно ли говорить, что его статьи и брошюры всегда понятны каждому, даже когда они философского или научного содержания.

Кропоткин любил народ глубокой искренней любовью, нисколько не похожей на чувства тех, кто „снисходит" до народа или „склоняется" к нему.

Одним из его основных начал было, *„что не может быть ни полезной науки, ни полезной деятельности, если наука не основывается в своих выводах и деятельность не опирается во всех своих проявлениях на мысли, стремления и чаяния масс. Нужно только их понять и стараться проводить в жизнь. Без этого всякий социологический труд, всякая деятельность останутся бесплодными".* Да, все обновительные силы коренятся в самих массах, скрытая работа которых всегда обеспечивала все жизненные потребности; они уже вызвали здоровые и мощные порывы и создали прекрасные и величественные творения. Только тот может любить народ, кто видит в нем возможного *творца* великих дел. Тот, кто видит в нем лишь *средство* для своей власти, своих партийных „заданий" или своего тщеславия, тот презирает народ.

Несмотря на свое происхождение, свое первоначальное воспитание, свое общественное положение, никто не был более близок к *нам*, чем Кропоткин. Без сомнения он не был наивным блаженным идеалистом. Ошибки, предрассудки, уродливости, заблуждения, проступки и преступления масс были ему хорошо известны; он не только видел их проявления, но знал также их причины. А так как он находил возможным устранить эти причины не мало-помалу, нудной и бесплодной работой Сизифа-обновителя, но посредством мощного революционного размаха, ускоряющего ход развития во всех областях жизни, то поэтому Кропоткин был самым убежденным, неутомимым и стойким проповедником революционной идеи, в которой он не разочаровывался даже в наиболее мрачные времена, когда массы казались безнадежно покорными.

Никогда мечта не осуществляется в том виде, как она снится и красные знамена, которые развевались над его гробом, сопровождая великого революционера к месту вечного покоя, не означали еще победу. Но путь уже расчищен и целое прошлое привиллегий и несправедливостей низвергнуто в прах навсегда.

Труд, который предстоит еще выполнить, очень тяжел. Пусть все, кто взялись за него, вдохновляются всегда великой душой и великим сердцем Петра Кропоткина. Его имя никогда не забудется в истории мысли, науки, труда и освобождения человечества.

Луиджи Бертони.

(Le Réveil, № 559, 8/III 21).

МАТЕРИАЛЫ к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ

г. Дмитров, *Москов.* губ.,
22 апреля 1919.

Дорогой мой Александр,

Когда мы с вами свидимся? Не улучите-ли денёк, чтобы приехать в Дмитров, конечно переночевать? О многом хотелось бы поговорить.

Вот, например, о Коммунах. Попадалась-ли вам моя *Взаимная Помощь*? Там, в отделе о Взаимной помощи в Средне-вековых городах много говорится о Коммунах того времени. Ведь их было тогда несколько сот (более 500) во Франции, в Англии, в Нидерландах, в Швейцарии, в Испании, в Португалии, в Италии, в Германии, Польше, на Балканском полуострове, даже в России.

И это время было *расцветом цивилизации*, научной, умственной, художественной, торговой,—особенно в первые 2 века, когда вывозная торговля еще велась городом (Осударем Великим Новгородом), а не отдельными купцами. Свобода выходить из Коммуны и переходить в другую была полная. Только благодаря этому и было возможно развитие рационализма в 12-м веке и впоследствие восстание против папской власти и Католицизма, Коммунистические коммуны Моравских братьев и т. д.

А в „Государство и его роль в Истории" я *вкратце* рассказал что сделало Государство, когда в XV и XVI в. вследствие нашествия Монголов, в XIII в., Турок вплоть до Венгрии в XV в., Мавров в Испанию, Южную Италию и Южную Францию,—пришлось создавать государственную власть и Коммунам (уже разлагавшимся внутри вследствие общественного неравенства) пришлось сдаваться королям, императорам и царям. И—какая *тьма* наступила тогда на 150-200 лет в Европе.

Заметьте, я только набрасывал программу грандиозной работы об этом периоде —сделать её подробно я *не мог*. Есть надо было; и, для этого—писать Россию для Энциклопедий,—работать для Географических Словарей и 12 лет отдать обзорам успехов естествознания по *всем* наукам... А подлые прихвостни государства и буржуазии в университетах знать не хотят об этом периоде. *Римское* право, *римская власть* —их боги.—Но кто нибудь, когда нибудь, сделает эту работу, начатую во Франции Сен-Симонистом Augustin Thierry и в Германии сделанную, в общем недурном (но далеко еще не то что нужно) обзоре, сыном философа Гегеля. Но разве наши централисты обмолвились когда либо об этом труде?!

Государство было, начиная с 16-го века, *мертвящею силою* в Европе. Конечно, и в Коммунах развелось много мертвящей силы—в XIV, XV и XVI веках,—развилось потому, что нажива купцов и банкиров раз'едала Коммуну; но Государство остановило всё развитие, даже научное. Если паровая машина была изобретена и сделалась практическою только в XVIII в., то не потому, чтобы наука еще не была готова для этого, или техника несовершенна... Нет! Государство задавило творчество и умственное развитие.—

Ну, да всего в письме не скажешь.— И из книг приходится ссылаться не на общие сочинения, а на истории отдельных городов, и из них самому делать выводы. Университеты и Академии не терпят таких „коммунистических" теорий.—

Что касается до циммервальдизма, „отвлеченного интернационализма", „расплывчатого космополитизма", как вы очень верно его определили, и, прибавлю еще, вообще „je m'enfich'изма" т. е., по русски, „а мне наплевать",—то это ставит на очередь действительно очень важные вопросы. Ну, да поговорим при случае. В начале мая мне очень хочется приехать в Москву недели на 2, поработать в Румянцевском музее. Тогда сойдемся и побеседуем. А до того времени может быть и вам удастся сюда приехать.

Пока, крепко обнимаю вас, сердечный привет вам от Софии Григорьевны и от нас обоих вашей жене. Бедная! Сколько она мучилась. Еще раз обнимаю вас, дорогой.

П. Кропоткин.

Дмитров, Советская улица,
дом Олсуфьева.
7 февраль 1919.

Телеф. Олсуфьева
№ 5, Дмитров.

Дорогой мой Атабек,

Соскучились мы оба, не имея от вас никакой весточки. Как живете? Что поделываете? Что предпринимаете? Идет-ли типография? Издаете-ли что нибудь? Последнюю (кажется) вашу брошюру получил. —Вообще как живется? Как живется вашей милой жене в Коврове? Где старший сын? Имеете ли вести от него? С вами ли ваш младший? А дочка—в Коврове?

Все это хочется знать.

Мы живем понемногу. Здоровы. Воздух здесь чудный зимою. Небо, подчас, чисто итальянское. В безветренные морозные дни

—просто восхитительные прогулки, особенно с тех пор, как ношу валенки, в которых нога не скользит. Каждый день выходим часа на полтора. Дом теплый. Работаю недурно—$2^1/_2$ часа утром и столько же после обеда. Больше не могу.

Приехав сюда, взялся за Этику. Я ведь почти $1^1/_2$ года работал над нею в 1902-3 году, и *масса* выписок из книг и начатых частей рукописи. Теперь пишу рукопись книги. Подвигается недурно. Что нужно проверить в библиотеках, можно будет, приехав весной на неделю в Москву, или две.—

Затем написал лекцию *Справедливость и Нравственность* по английски, по заметкам, и перевожу на русский язык. А Этику пишу по-русски.

Есть еще мелкие работки для здешнего музея, для детей из соседней деревни.

Тоскую, однако, без всяких вестей, кроме официальных, из Европы. Живая жизнь начинается теперь в Европе с поражением военной императорской Германии. *Революции* в Германии, конечно, не будет. Спасибо, что хоть государственный переворот сделали. *Может быть* удержится, *если* немцы сложатся в федеративные республики, которые, вслед за синдикальной Францией и трэд-юньонской Англией, проведут меры подготовительные к социализму. Какому?—Кто знает? Но во Франции и Англии действительно назревает новая жизнь.

Как нибудь не соберетесь ли к нам. Переночевать у нас всегда можно, и *очень* рады будем вам. Только, увы, переезд сюда —*просто кошмарный*. За 2 часа надо брать билеты и иногда, даже получив, нет места. Один ужас, все говорят, даже с льготными пропусками.

Авось наладится попозже?—Ну, крепко обнимаю вас, жену и деток, за себя и за Соню.

П. Кропоткин.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ П. А. КРОПОТКИНА.

На меня выпала печальная доля присутствовать неотлучно при Петре Алексеевиче с ночи под 31 января до его кончины и помогать семье и сестре милосердия Е. В. Линд в уходе за больным.

В понедельник 31 января Петр Алексеевич чувствовал себя настолько хорошо, что по поводу укола с укрепляющим лекарством, даже заметил: „Не понимаю от чего меня лечат?" Температура была нормальная и ничто не предвещало трагический конец.

—От слабости, ответил я. И действительно, все внимание лечивших врачей в то время было направлено на укрепление сил и усиление питания.

По поводу предложения, не желает-ли рыбы, он вспомнил об одной своей встрече с Тургеневым в Париже и ответил: „Да, хорошо бы поесть рыбы с соусом. Как-то Тургенев угостил меня рыбой с соусом. — Вас, — говорит,—учили не есть соус с хлебом. Давайте нарушим это правило.—Поели с хлебом и кусочками рыбы, запили белым вином. Очень вкусно было. Тургенев любил хорошо поесть".

В этот день, вообще, он чувствовал себя бодро и делился с окружающими своими мыслями. „Странно, отнялся вчера язык... Думал (ночью) об устройстве анархических коммун, без правительства".... Затем начал со мной оживленную беседу о положении дел в западной Европе, о том, что „буржуазия глупа" и не умеет справиться с экономическими затруднениями, о поразительных успехах авиации за последние годы, о которых он прочел в одном английском журнале, случайно доставленном ему.

Боясь утомить больного, я перевел разговор на другой предмет и начал сам рассказывать о житье-бытье в Бутырской тюрьме, из которой незадолго до того был освобожден, о его дмитровских друзьях-кооператорах, которые в то время еще сидели там.

Это была последняя, более или менее длительная беседа учителя. После легкого завтрака, принятого с аппетитом, Петр Алексеевич заснул и проснулся в 5-ом часу пополудни в сильном ознобе. Температура сразу поднялась до $40^0,4$. Возобновилось воспаление легкого, сведшее его в могилу. Начался „противный процесс умирания", как он сам его характеризовал, в словах, обращенных к ухаживавшей за ним сестре милосердия Е. В., за 2-3 дня до своей кончины. На ея вопрос, как он к этому относится, Петр Алексеевич ответил: „Полное равнодушие".

Но не все время Петр Алексеевич относился безразлично к надвигавшемуся концу, который он повидимому сознавал. „Хотелось бы еще поработать", прошептал он в один из первых дней после возобновления легочного воспаления. Незадолго до кончины, он, видя Софью Григорьевну подавленной и печальной, и угадывая ея опасения, с трогательной заботливостью старался успокоить ее, говоря, что не раз уже серьезнее болел „и видишь, выкарабкался же".

Последние дни своей болезни Петр Алексеевич находился в полузабытьи, из которого окружающие его выводили, чтобы дать ему пищу или лекарство, или же он

сам пробуждался, чтобы попросить пить или предупредить осложнения в уходе за собой. Еле в состоянии прошептать несколько слов или шевельнуть руками, Петр Алексеевич не переставал заботиться с присущей ему деликатностью о том, чтобы причинять возможно меньше хлопот и неприятностей окружающим. „Не хорошо", говорил он застенчиво во время интимного ухода за ним, даже родным.

Вначале, когда он чувствовал себя сравнительно лучше, сестра милосердия Е. В., поставила на ночной столик звонок и попросила позвонить, если ему что понадобится в минуты ея отлучки.—„Нет, не буду", ответил он шутливо, „для анархиста и звонок проявление власти". И действительно, ни разу не прикоснулся к нему.

Вместе с крайней деликатностью к окружающим, тонкий юмор сквозил в его словах, даже когда их приходилось улавливать с трудом из уст умирающего, и его выражения носили неизменно красочный характер.

2-го числа в 3 часа утра больной попросил напиться и когда я поднес стаканчик, чтобы напоить, он, не доверяя мужской ловкости в уходе за больными, предупредительно заметил: „Только не за галстух". Глотнув немного, он выразил желание, что „предпочел бы горячего чаю" и с удовольствием выпил небольшую чашку, „как с третьего блюдечка" (т. е. в пору горячий, пояснил он мне).

3-го числа в 11-ом часу вечера, когда Е. В. готовилась произвести укол предписанного лекарства, Петр Алексеевич заметил: „От женских уколов никакого прока нет".

Вообще, особенно в первые дни, Петр Алексеевич был довольно чувствителен к подкожным уколам и называл их „докторским хулиганством", и даже раз стал укорять сестру: „Какая Вы хулиганка стали! У докторов научились". И тут же прибавил, чтобы не обидеть ее: „Я знаю, что Вы не со злым умыслом, а по обязанности".

В другой раз, (1-го февраля), когда врач, постоянно пользовавший его,—Сергей Николаевич Ивановский, к которому, кстати сказать, он относился очень дружески и с полным доверием, как к „старому земскому врачу",—собирался исследовать его, Петр Алексеевич обратился к сестре милосердия с просьбой „защитить от этих варваров".

Чем ближе надвигалась неизбежная развязка, тем глубже становилось забытье Петра Алексеевича. Софья Григорьевна и Александра Петровна прилагала все усилия, чтобы от времени до времени вывести его из сонливого состояния и уловить момент, чтобы дать ему хоть кое-какую пищу...

Вскоре началась длительная агония.

Так угас в глуши любимой родины великий *интернационалист* и *революционер*, для которого *интернационал* не означал отрицание своей родины, а высшее проявление *революции* заключалось в защите всегда этой родины от всяких насилий.

Ал. Атабекян.

П. А. КРОПОТКИН
И СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС.

В „Хлеб и Воле" с изумительным провидением мудрости П. А. предсказал ту экономическую разруху, которая должна явиться неизбежным следствием централистической революции в связи с ее психологией, приводящей к противоположению города деревне со всеми последствиями. Свою мысль П. А. подкрепил ссылками на французскую революцию, убитую по его словам в 93 году теми настроениями, которые вытекали из вражды города и деревни. Когда читаешь эти проникновенные страницы, написанные 35 лет назад, нередко кажется, что автор говорит о современном моменте, настолько его предсказания прямо совпадают с действительностью и имеет вид описания всего происходящего перед нашими глазами. Вопросы о том, как революционному народу организовать свое хозяйство и всякого рода снабжение от жилища до одежды и обуви включительно, глубоко интересовали П. А. при его ясном понимании, что без соответствующей организации материальной жизни никакие революции политического характера не могут привести к действительному освобождению народов и переходу к лучшему социальному строю. Опираясь на опыт прошлых революций и ясно видя ход ныне происходящей в России, П. А. больше всего боялся, что крах революционных сил в области экономического строительства сыграет и в России ту же фатальную роль, что и во Франции, приведя в конечном счете к неприкрытой реакции. Будучи автором „Хлеба и Воли" П. А. был кроме того и автором таких работ, как „Поля, фабрики и мастерские" и „Взаимная Помощь", где он определенно указывает пути и средства для организации народного хозяйства не столько на новых, сколько на недостаточно еще осознанных и усвоенных человечеством методах хозяйства во всех областях экономической деятельности. Неудивительно поэтому, что с самого своего возвращения в Россию, П. А. проявлял живейший интерес ко всему происходящему именно в экономической области, в деле организации материальной жизни,

настаивая на том, что вне и без этой организации не может быть и прочного установления завоеваний революции. Едва ли не П. А. первый поднял еще в 1917 году вопрос о необходимости немедленно заняться улучшением жилищного положения трудящихся, особенно в таких больших центрах, как Петроград и Москва. Помню, как еще в том же 1917 году П. А. волновался по поводу тогдашних „хвостов", еще начинавших только свой рост, справедливо указывая, что в них очаги того недовольства, которое приводит массы в конце концов к враждебному отношению к революции. Вопросы снабжения топливом, продовольствием, одеждой и т. д., столь ярко освещенные П. А. еще в соответствующих главах „Хлеба и Воли", непрерывно волновали П. А. до самых последних дней. Каждая встреча с людьми так или иначе причастными к этим вопросам или в них осведомленными, вызывали со стороны П. А. прежде всего стремление получить от собеседников возможно полное освещение интересующих его положений. Поставив ряд вопросов, выслушав ответы с обычным живым вниманием и тщательно обсудив выслушанное, П. А. только тогда переходил собственно к критике и высказыванию своих собственных предположений. Главное, чего П. А. добивался от своих собеседников, это ясного понимания и освещения практической ценности и возможности осуществления тех мероприятий, о которых шла речь. В отношении всех вопросов снабжения П. А. держался всегда за последние годы неизменно одной и той же точки зрения: экономическая разруха, ввиду ее последствий для дела революции, представлялась ему тем общим врагом, на борьбу с которым он призывал все живые силы страны, так же как во время войны он звал на борьбу не с немцами, а с носителями одушевлявшей их насильнической и реакционной идеологии, проявлявшейся в немцах лишь с особой силой, не останавливаясь, в случае отсутствия других способов, даже перед совместной работой с правительством старого режима, пока оно борется за те же цели.

Лето 1920 года мне пришлось провести в непосредственном, можно сказать, ежедневном общении с П. А., живя в усадьбе, занимавшейся П. А. в г. Дмитрове. Занимаясь почти исключительно экономическими работами и принимая в этот период большое участие в подготовительной работе по выяснению задач и возможностей по осуществлению в России механизации процессов производства и т. д. при помощи электрофикации, я естественно держал П. А. в курсе всех этих работ, которыми он чрезвычайно интересовался, выясняя прежде всего и всегда практические возможности и последствия соответствующей системы мероприятий по намеченной программе. В это время уже П. А. опасался постигшего ныне Россию бедствия, опираясь на неблагоприятные астрономические и метеорологические данные, определившиеся уже частично тогда и делая из всей современной обстановки выводы, к сожалению, как и всегда, оправдавшиеся в чрезвычайно большой мере. Для меня, в течение ряда лет и особенно за последние 4 года, со времени возвращения П. А. в Россию, часто беседовавшего с ним на экономические и организационные темы, совершенно несомненным является и его вероятное отношение к нынешнему бедствию ввиде голода, холеры и т. д. в связи с общей не столько материальной, сколько психологической разрухой. Более чем когда либо кончина П. А. оказывается преждевременной и тягостной для России, так как именно в настоящий момент должен был бы раздаться его голос с обращением ко всем живым и творческим силам страны с призывом сплотиться против общего врага, борьба с которым должна вестись на фронте чуть ли не всей России, так как наше поражение на этом экономическом фронте неизбежно приведет и к поражению революции со всеми последствиями этого. Однако, если самого П. А. нет больше с нами, то его заветы остались во всей неприкосновенности, и теперь, более чем когда либо, всем стоящим на его точке зрения в войне и мире необходимо сплотиться для парализования последствий грандиозного бедствия в виде голода, захватившего десятки миллионов человек по всей России с вымиранием населения, стоящим новой большой войны, ибо дальнейшие последствия этого будут еще более гибельны для возможности установления того лучшего будущего, во имя которого произошла русская революция и за которое всю жизнь боролся Петр Алексеевич.

П. Пальчинский.

Дмитров, 10/VII 1921 г.

МУЗЫКА В ЖИЗНИ П. А. КРОПОТКИНА.

Дорогой памяти Петра Алексеевича.

Тяжело браться за перо и писать о Петре Алексеевиче. Утрата так велика и сердце еще так болит, что не знаю, смогу ли я хорошо поделиться своими воспоминаниями с желающими все больше и больше знать о нем.

Познакомилась я с Петром Алексеевичем в Лондоне, в 1908 году, куда я ездила с концертами народной русской песни и русских композиторов. Уезжая из России не думала я, что мне придется познакомиться с Кропоткиным, а впоследствии быть с ним так близко в России, к которой неустанно его

влекли все помыслы и чувства из чужбины.

Зная П. А. только как писателя, хотя и любимого и будившего во мне много мыслей и бодрых настроений, и не зная его в общении с людьми, пожалуй, даже я не совсем охотно знакомилась с ним.

По фотографиям, виденным еще в России, я представляла себе П. А. осанистой фигурой с огромной окладистой бородой;— каково же было мое удивление, когда меня познакомили с „молодым дедушкой", роста скорее ниже среднего, с седой пышной бородой, но не такой огромной, как казалась на портретах.

Первый раз встретилась я с Петром Алексеевичем на дневном концерте „русская народная песнь" (at Home), устроенном моим аккомпаниатором англичанкой Hankel, которой самой очень хотелось познакомиться с „prince Kropotkine" (как англичане упорно величали П. А.). Петр Алексеевич пришел послушать русскую певицу из Москвы. После концерта заговорили о России, о народной песне, о ея собирателях, и у меня с П. А. оказались общие знакомые: моя учительница пения, известная собирательница народных песен Е. Э. Линева, муж которой А. Л. Линев, был другом П. А. Они, оказалось, сидели в Петропавловской крепости и жили одно время вместе в Англии.

Возвращались домой мы вместе с П. А., и он всю дорогу говорил о России, о ея искусстве, о том что доходит до него из русской музыки. В пути мне ни разу и в голову не приходило, что я беседую с мировой известностью, великим революционером и выдающимся ученым: так прост, скромен и обаятелен был П. А. при близком общении, что мне сразу стало с ним тепло и легко. Сопровождая меня в вагон подземной железной дороги, П. А. высказался, что ему хочется, чтобы я побывала у него и пела бы в домашней обстановке, но что он боится, как бы я не увезла за собой в Россию „хвост" (русская сыскная полиция неустанно дарила его своим вниманием). Через несколько дней я была у П. А., где познакомилась с его женой Софьей Григорьевной, а позднее и с дочерью Александрой Петровной. Вместе с П. А. я была и в Лондонском Герценовском кружке. Частенько целые вечера проводили мы с П. А. за роялем, причем Глинку и Даргомыжского аккомпанировал он сам. П. А. очень любил оперы Глинки „Жизнь за царя" и „Руслан и Людмила". Он был на первом представлении „Жизни за царя" в Петербурге, пережил все перипетии этой оперы и рассказывал все свои волнения и волнения современной молодежи при ея постановке. У П. А. были фортепианные переложения этих опер без текста, и меня поразила его память: текст оперы „Жизнь за царя" П. А. знал наизусть и просил меня петь оперу по фортепианному переложению, а сам аккомпанировал и подсказывал слова.

Больно было уезжать из Англии при сознании, что П. А., который так любил Россию, вынужден оставаться заграницей, а его соотечественники ничего не могут сделать для его возвращения на родину.

По возвращении в Россию меня все время тянуло ехать в Англию, но не Англия притягивала меня, а обаятельная личность П. А.. Мне так хотелось опять свидеться и говорить с ним. П. А., как человек, был для многих из нас, русских, солнцем, к которому все тянулось и получало свою долю тепла от его безконечно великой души, переполненной безпредельной любовью к человечеству. Его лучи все время поддерживали в нас горение и освещали нам путь к лучшему будущему.

Наша великая светлая революция, наконец, дала возможность П. А. вернуться в Россию и вновь увидать свою, тогда свободную родину.

Когда П. А. вернулся в Москву в июне 1917 года, меня тогда, к сожалению, не было в городе, и я встретилась с ним только в сентябре. Музыка снова соединила нас.

Вначале у П. А. не было инструмента, и он очень тосковал из за этого. „Главный отдых мой—когда я играю", говорил он. И такой великий, дивно-хороший человек не мог получить себе инструмента; взять на прокат или купить у П. А. не было возможности. Тогда я решила предложить поставить ему рояль моей сестры, старый Беккер. П. А. был рад и очень доволен, что наконец-то опять будет иметь инструмент под рукой и сможет играть, когда захочется.

Наконец рояль был перевезен, и вновь, как в Англии, у нас с П. А. начались музыкальные вечера. П. А. любил заниматься музыкой на свободе, чтобы никто не мешал и чтобы никакие дела не висели над его душой. Он отдавался музыке весь. К сожалению, в России П. А. сам аккомпанировать не решался и мне приходилось петь и самой аккомпанировать. В Москве семья Кропоткиных познакомилась с моей семьей, и П. А., говорил он сам, получал большое удовольствие, когда мы с сестрами пели чистые народные песни. Он умилялся народным творчеством и каждый раз говорил, что народу, сложившему такие песни, принадлежит будущее. В народной песне для П. А. звучала вся широкая многообразная жизнь страны; он чувствовал и переживал вместе со своим народом и всю горечь, и все тяготы русской жизни.

Летом 1918 года Кропоткины переселились в г. Дмитров. П. А. очень там скучал без музыки. В Москве всё же иногда

заходили к П. А. музыканты, играли и пели ему, чему он всегда был очень рад, и после рассказывал об их посещениях. В Дмитров же ни один музыкант не отважился с'ездить к П. А.: переезд по железной дороге (60 верст) в современных ужасных условиях пугал их, и П. А. принужден был удовлетворяться только своей игрой. Но зато, когда приезжала я, одна или с сестрами, в Дмитров, то, как выражался сам П. А., для него был праздник. В те дни П. А. не работал. Все время было в нашем распоряжении. Мы беседовали и занимались музыкой. П. А. очень хорошо знал оперы Глинки и Даргомыжского, некоторые романсы их, но с остальными русскими композиторами был мало знаком. И вот мы с ним условились, что я познакомлю его с нашей музыкой. Должна сознаться, что я плохо владею роялем, но, несмотря на это, мне удалось показать П. А. всех русских композиторов после Даргомыжского. Приходилось самой и петь, и аккомпанировать. Исполнялись не только романсы, но и оперы. Каждый приезд бывал посвящен новому автору. И с каждым приездом увеличивался список наиболее любимых вещей П. А.

Частенько он бывал несогласен с композитором относительно толкования автора. Особенно его неудовлетворял романс Глинки „Я помню чудное мгновение" на текст Пушкина. В представлении П. А., Глинка в этом романсе мало чувствовал Пушкина, и музыка не отвечала тексту. Это расхождение автора с композитором сильно безпокоило П. А. и, наконец, побудило его самого написать музыку. В одном из своих писем П. А. пишет, что лежит он простуженный в постели, а музыкальная фраза романса „Я помню чудное мгновение" его преследует. И вот в один из приездов получаю в подарок—первую фразу романса. С этих пор начинаются у нас с П. А. разговоры по гармонии. Соединение и разрешение аккордов не дают ему покоя. Даже на прогулках у нас шли музыкально-теоретические разговоры. П. А. перечитал в энциклопедическом словаре все статьи по музыке. Через большой промежуток времени получаю от П. А. весь романс полностью, причем за отсутствием нотной бумаги, бумага для романса была разлинована им самим. Недостаток специальных знаний мешал П. А. написать весь аккомпанимент к романсу. Я предлагала ему записать фонографом так, как он играет, а потом перевести на ноты, но П. А. отмахнулся только рукой и с улыбкой сказал: „Ну, что я за композитор!" Через полгода получаю этот же романс в новой редакции—так тщательно и добросовестно относился этот великий человек к делу, даже не по своей специальности!

Всегда хотелось его видеть и с ним говорить, как о большом, так и о пустяках, даже о мелочах личной жизни. Поездки в Дмитров были и для меня „праздником". Никогда не думалось, что едешь к великому Кропоткину, так естественно все хорошее, глубокое тянулось в тебе к этому обаятельно великому человеку, с безпредельной любовью к людям. Кропоткин страдал и болел за Россию, вся душа его изнывала за тяжелую долю русского народа, и отдохновение он находил только за работой и музыкой. Но часто работа тоже его расстраивала: не мог он работать столько и так, как ему хотелось. И оставалась только одна музыка. Я счастлива, что мне выпало на долю хотя этим доставить ему некоторые приятные минуты, когда он мог уходить от нашей гнетущей жизни. Настолько П. А. любил музыку и такое большое место она занимала в его жизни, что он любил, когда ему играли во время болезни. Даже за три дня до смерти, полный духовной жизни, П. А., видя меня днем около себя, вечером попросил позвать.—Зачем? спросила его дочь. „Пусть Дунечка мне помурлыкает", ответил он. Но и это последнее удовольствие дорогое наше солнце не смогло получить: перед вечером я уехала в Москву за необходимым лекарством,—уехала не простившись с П. А., чтобы не безпокоить его, и „помурлыкать" дорогому не смогла. Когда я вернулась через $1^1/_2$ суток, П. А. был уже очень и очень слаб.

Солнышко покинуло нас. Наши души не находят в себе сил излить в звуках всю горечь потери. Мы не видим тебя, дорогой Петр Алексеевич, но твоя излучавшаяся теплота и любовь остались с нами и дадут нам силы петь на весь мир о любви к человечеству.

Евд. Денисова.

ОТ РЕДАКЦИИ—
—к товарищам и сочувствующим.

Дорогие друзья,

24-го октября прошлого года *по независящим от нас обстоятельствам*, т. е. вследствие обыска, закрытия типографии и ареста редактора-издателя (он же наборщик), издание *Почина* было прервано и набранный уже 11-ый № не мог быть отпечатан и разослан. Слишком усердный следователь (ныне устраненный „за превышение власти", кажется, по другому поводу) усмотрел в нашей деятельности „контр-революцию".

Не в том ли, что мы писали против отбирания у крестьян так называемых „излишков"?—против продразверстки, которая послужила, по недавнему докладу председателя Московского Совета, одной из главных

причин сокращения посевной площади в стране? Не разверстка ли, ныне отмененная законом, истощив крестьянские запасы на черные дни, усугубила последствия засухи этого года в приволжских губерниях?

Или в том заключалась наша „контрреволюция", что мы проповедывали раскрепощение кооперации от бюрократической опеки и вмешательства государства в ея деятельность? — отстаивали независимую кооперацию, на которую ныне возлагаются столь большие надежды для облегчения продовольственного кризиса в городах?

Правда, мы высказывались также за *отделение профессиональных союзов* от государства и политических партий,—мы находили, что рабочие имеют на это не меньше прав, чем разные религиозные об'единения, в деятельность которых государство постановило не вмешиваться, но тут никакими преследованиями не поможешь и стремление трудящихся к независимым профессиональным организациям в конце концов восторжествует.

После долгих мытарств, благодаря благосклонному отзыву одного из весьма видных большевиков, что редактор *Почина* „заслуживает полного доверия", нам наконец удалось добиться разрешения возобновить издание.

Мы не обманем оказанного нам доверия и, как революционеры, не станем льстить власть имущим потому только, что они имеют силу над нами; мы будем продолжать честно и открыто высказывать то, что думаем и во что верим, если бы даже на нас снова посыпались кары (ибо часто в нынешнем государственном строе левая рука не ведает, что творит правая).

Наша задача тем более облегчается, что руководители власти повидимому сами сознали всю практическую бесплодность государственной централизации, *неотделимой от своего естественного спутника — бюрократизма*. Продолжать критиковать недочеты государственных приемов общественного строительства, это значило бы вламываться в открытые двери. Официальные органы излагают эту критику с весьма похвальной откровенностью и порой даже бо́льшей едкостью, чем это решились бы сделать мы, принципиальные противники всякой власти. Очевидно социалистический дух не окончательно заглох у многих большевиков от практики власти. Убедившись на деле в бесплодии государственных принудительных приемов, самые искренние из них завтра станут в ряды последователей Кропоткина, который щадил их и не выступал с общественной критикой именно за эту искренность, за то, что „они уравнители, они перешли от слов к делу" (слова, сказанные Петром Алексеевичем вскоре после октябрьской революции).

Не даром председатель В. Ч. К., уговаривая анархистов, об'явивших голодовку в прошлом декабре в Бутырской тюрьме, беречь себя, назвал их „наследниками большевиков". Грустно видеть, что этих „наследников" (подражая зело подозрительным монархам) ныне во множестве держат в тюрьмах, в то время как они могли бы служить благодатной закваской для пробуждения той хозяйственной и общественной самодеятельности народных масс, на которую держат курс теперь руководители власти, чтобы вывести страну из топких болот всевозможных разрух, питаемых государственным бюрократизмом.

Назревает новая полоса в ходе русской революции, — полоса безгосударственной самодеятельности, и от нас, идейных анархистов,—от нашего такта, умения и энергии, —зависит придать ей действительно революционный, обновительный характер, и не дать ей выродиться в буржуазный либерализм.

В таком деле роль печатного слова огромна и *Почин* попрежнему будет продолжать вносить посильную лепту в анархистское движение теоретической разработкой и критическим пересмотром наболевших вопросов, всегда вдохновляясь идеями и примером незабвенного любимого учителя, жизни и творчеству которого будет уделено преимущественное место.

Почин будет высылаться всем желающим в рассчете на их материальное содействие для поддержания и развития органа *по мере получения ими последующих номеров.*

Требования и денежные переводы (или продукты) просим направлять:

Москва, Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов, Тверская, Настасьинский пер., д. № 5, кв. 2 (для *Почина*).

Адрес редакции: Москва, Калужская пл., угол Коровьего Вала и Мытной, д. 23/1, типография „Почин".

К сведению читателей.

Лекция П. А. Кропоткина *„Справедливость и Нравственность"*, о которой он упоминает в письме от 7 февраля 1918 г., помещенном в этом номере, находится в печати и впервые выйдет в русском переводе автора с предисловием помеченным „январь 1920 г.".

Типогр. и издат. Труд. Арт. Печат. Дела „ПОЧИН".